

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ СМИ ЗА 2008-2017 ГГ.)

Metaphorical Models of Corruption in Russian and Bulgarian Media Discourse (Based on Media Publications in 2008-2017)

Ольга Владимировна Барабаш
olphil@mail.ru

Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований, Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

Антония Иванова Пенчева
antonia_pencheva@unwe.eu

Университет национальной и мировой экономики, София, Болгария

Olga Barabash
olphil@mail.ru

Institute of Fundamental and Applied Research, Penza State University
(Penza, Russia)

Antonia Pencheva

antonia_pencheva@unwe.eu

University of National and World Economy (Sofia, Bulgaria)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 16.11.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española n° 13 (2017), 43 - 58

ABSTRACT

The article reveals and systematizes ways of metaphorical comprehension of the phenomenon of corruption outside the legal discourse based on the publications of Russian and Bulgarian media in the period from 2008 to 2017. The method of comparative analysis determines the field of coincidence of metaphorical models of political interdiscourse, which demonstrate the similarity of conceptualization of political and social reality. The article defines metaphorical models that are dominant for each of the related languages. It is concluded that formulating the official definition of corruption and state anti-corruption strategy, it is necessary to rely on national features of perception of corruption as a social phenomenon.

Keywords: metaphor, corruption, legal discourse, media discourse

РЕЗЮМЕ

В статье на материале публикаций российских и болгарских СМИ за 2008-2017 гг. выявлены и систематизированы способы метафорического осмысления феномена коррупции вне юридического дискурса. С помощью метода сопоставительного анализа определено поле совпадения метафорических моделей политического интердискурса, демонстрирующих сходство концептуализации политической и социальной реальности. Приведены доминантные для каждого из родственных языков метафорические модели. Делается вывод о том, что при выработке официальной дефиниции коррупции и формировании

государственной антикоррупционной стратегии необходима опора на глубинные национальные особенности восприятия коррупции как социального явления.

Ключевые слова: метафора, коррупция, юридический дискурс, медиадискурс

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1 Противодействие коррупции, как социальному злу, является важнейшей задачей, стоящей перед мировым сообществом. Разрабатываются и фиксируются в нормативных правовых актах международных организаций и отдельных государств меры, направленные на предупреждение коррупции и борьбу с ней. Международное движение по противодействию коррупции Transparency International ежегодно публикует данные Индекса восприятия коррупции (CPI) в различных странах мира. Феномен коррупции становится предметом постоянного обсуждения и изучения в различных аспектах – правовом, политическом, экономическом, социальном, и это не удивительно, ведь для того, чтобы эффективно бороться с каким-либо явлением, необходимо хорошо понимать его сущность.

В то же время недостаточно изученными представляются те *ментальные установки и предпосылки*, которые способствуют возникновению и распространению коррупции и *на основе которых* формируется восприятие коррупционных деяний обществом. Однако полагаем, что выявление и анализ подобных установок и предпосылок – как на уровне национальных культур, так и на уровне архетипов – могли бы способствовать соответствующей корректировке антикоррупционной политики. Важную роль в достижении этой цели, на наш взгляд, может сыграть изучение феномена коррупции с иного – лингвокогнитивного ракурса, позволяющего высветить те его грани, которые до настоящего времени оставались в тени и в меньшей степени привлекали внимание ученых.

Явление коррупции, будучи частью дискурсивной практики, имеет определенные формы представления в семантическом пространстве языка. Термин, принятый для обозначения коррупции в различных языках, является, как правило, консубстанциональным, то есть он не только функционирует в кодифицированном виде (как юридический термин), но и подвергается деспециализации. Выход за пределы институционального дискурса способствует тому, что конститутивные свойства термина ослабляются: сохраняя признаки исходного понятия, он существенно расширяет лексическую сочетаемость, обрастает новыми смыслами, оказывается «ингредиентом» метафоры (Барабаш 2016: 40). В связи с этим для изучения способов концептуализации феномена коррупции в семантическом пространстве конкретного языка наиболее репрезентативными представляются, как минимум, три группы текстов: 1) пословицы, поговорки, афоризмы о коррупции; 2) нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции; 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике (Барабаш 2016а: 260). Подобный комплексный анализ позволит не только проследить процесс формирования концепта «КОРРУПЦИЯ» на трех уровнях – наивном (глубинном), официальном и интерпретационном, – но и увидеть трансформацию социального восприятия изучаемого феномена и ее отражение в языке, а также наметить стратегии формирования общественного сознания в антикоррупционном аспекте.

Безусловно, осуществление такого масштабного исследования потребует глубокого погружения в обширный языковой и культурно-исторический материал, связанный с проблемой формирования концепта «КОРРУПЦИЯ» и позволяющий делать выводы о наличии тех или иных социокультурных кодов, обуславливающих формы представления соответствующего явления в языке. В рамках данной статьи мы лишь намечаем пути лингвокогнитивного анализа феномена коррупции и намерены обратиться к третьей группе указанных текстов, остановившись более подробно на метафорическом осмыслении феномена коррупции в медиадискурсе. Вслед за Н. И. Клушиной, под медиадискурсом мы понимаем «совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы» (Клушина 2015: 56).

1.2 С развитием когнитивной науки, рассматривающей язык как «средство доступа к ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» (Кубрякова 2004: 9) связан новый этап метафорологии. Признание возможности и необходимости исследования языковых фактов в их взаимосвязи с когнитивными процессами предопределило становление и развитие таких подходов к изучению метафоры, в которых исследовательский фокус направлен не столько на риторическую функцию метафоры, сколько на ее гносеологическую природу. Иными словами, метафора может рассматриваться как феномен языка и как ментальный феномен, структурирующий наше мышление, восприятие и деятельность (Lakoff, Johnson, 1980). Испанский ученый Хосе Ортега-и-Гассет убедительно доказывает, что метафора есть «важное орудие мышления» (Ортега-и-Гассет 1990: 71). Он поясняет, что «метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» (Ортега-и-Гассет 1990: 71). О моделирующей роли метафоры пишет и Н. Д. Арутюнова: «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» (Арутюнова 1990: 14).

Действительно, если мы говорим, что *коррупция – это общественная болезнь*, значит, в нашем сознании возникают аналогии, которые, как указывает М. Минский, «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» (Минский 1988: 292). Соответственно, если коррупция – это болезнь, то члены коррумпированного общества выступают как пациенты, распространяющие инфекцию и нуждающиеся в лечении, а значит, требуется доктор (=контролирующий орган и т.п.), способный подобрать верное лекарство (=меры противодействия) от недуга (=коррупции). Неслучайно М. Минский называет аналогии «одним из самых могущественных инструментов мышления» (Минский 1988: 291).

Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления (Чудинов 2003). Взаимодействие между двумя когнитивными структурами (понятийными областями знаний), обозначенными в работах Д. Лакоффа и М. Джонсона как *source domain* (структура источника) и *target domain* (структура

цели), лежит в основе процесса метафоризации и дает возможность осмыслить одну сущность в терминах другой, понять менее известное через более известное. При этом, как считают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «тенденция к структурированию наиболее отчетливо (*курсив наш* – О. Б., А. П.) проявляется по отношению к менее конкретным и по сути более неопределенным концептам <...>, которые осмысляются в терминах более конкретных понятий, более ясно выделяющихся в нашем опыте» (Лакофф, Джонсон 2008: 144). Положение об однонаправленности метафоризации встречает критические отклики в научной литературе. Однако применительно к метафорическому осмыслению абстрактных сущностей подобная направленность действительно прослеживается «наиболее отчетливо». Как пишет Хосе Ортега-и-Гассет, «не все объекты легко доступны для нашего мышления, не обо всем мы можем составить отдельное, ясное и четкое представление. Наш дух вынужден поэтому обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых» (Ортега-и-Гассет 1990: 72).

Коррупция – сложное, многогранное общественное явление, несколько столетий подвергающееся осмыслению в правовой, политической и обыденной коммуникации. Однако продолжаются споры о том, что такое коррупция и каковы ее механизмы, в чем заключаются ее последствия для современного общества, каков объем соответствующего понятия и т. д. Поэтому не удивительно, что данный феномен представлен в политическом и информационно-аналитическом типах дискурса посредством целой системы метафорических моделей, отражающих специфику восприятия этого явления обществом.

1.3 Лингвистическая интерпретация феномена коррупции представлена в современной науке единичными работами. Одно из первых обстоятельных исследований в этом направлении предпринято в работах А. Н. Баранова (2004: 70–79; 2006; 2014). В статье «Метафорические грани феномена коррупции» на основе сравнения и анализа двух корпусов – экспертного (материалы интервью со специалистами, соприкасающимися по роду своей деятельности с феноменом коррупции) и фонового (газетные публикации за 1997–1999 гг.) – автор выявил набор метафорических моделей, функционирующих в дискурсе о коррупции. В последующих работах была осуществлена дифференциация экспертного корпуса и представлены результаты двух серий глубинных интервью, проводившихся фондом ИНДЕМ В 2002–2004 гг.

Убедительные результаты, представленные в работах А. Н. Баранова, позволяют осуществить дальнейшее исследование концепта «КОРРУПЦИЯ», проследить динамику функционирования выявленных метафорических моделей в различных типах дискурса в более поздние периоды, в том числе в сопоставительном аспекте.

1.4 Цель данной статьи – охарактеризовать наиболее типичные для российской и болгарской прессы сферы-источники метафорического осмысления коррупции, а также выявить метафорические модели, отражающие этнокультурную специфику восприятия рассматриваемого феномена, обозначить поля совпадения/несовпадения метафорических моделей в русском и болгарском языковом сознании.

Материалом нашего исследования служат тексты статей и выступлений, посвященных проблемам коррупции и опубликованных в различных российских газетах, журналах («Ведомости», «Аргументы и факты», «Взгляд», «Коммерсантъ» «Континент» и др.) и на информационно-аналитических порталах (сайт Администрации Президента kremlin.ru, «ИноСми.ру», «Все о коррупции в России» и др.) за последние 10 лет, то есть в период 2008–2017 гг. Кроме того, источником значительной части проанализированных материалов выступает Национальный корпус русского языка, в частности, его газетный корпус, в котором представлены соответствующие статьи, вышедшие до 2014 г. В целом газетный корпус фиксирует 2243 вхождения слова «коррупция».

Для целей данного исследования использован текстовый материал за тот же период на болгарском языке из газет «Капитал», «Монитор» «Дума» и др., электронных СМИ (bta.bg, sega.bg, frognews.bg, offnews.bg и др.), телевизионного канала БТВ и пр. Для выявления метафорических образов коррупции, представленных в болгарских СМИ, привлекался также Болгарский национальный корпус (Български национален корпус), в котором лексема «коррупция» обнаруживается в 1240 контекстах, при этом 414 из них принадлежат газетному корпусу.

Обращение к текстам СМИ обусловлено тем, что именно в них, концентрируясь вокруг острого общественно-политического вопроса, одновременно обнаруживают себя типическое и индивидуальное, общественное и личное, общечеловеческое и культурно детерминированное. Так, с одной стороны, тексты СМИ транслируют государственно-политические антикоррупционные установки, а с другой – высвечивают восприятие феномена коррупции обществом. Будучи авторскими произведениями, они отражают индивидуальное когнитивное пространство автора и национально обусловленное коллективное бессознательное. При этом авторское начало, даже условное, дает возможность классифицировать представленное средствами языка восприятие коррупции по различным основаниям, связанным с личностными характеристиками (политическими предпочтениями, профессиональной принадлежностью и т. п.). В то же время на основе статистического анализа представляется возможным выявить и наиболее характерные для современного общества в целом варианты осмысления феномена коррупции и способы их репрезентации (Барабаш 2016а: 263). Более того, ученые отмечают, что современные СМИ образуют «своеобразный интердискурс» (Шмелева 2001: 5), в рамках которого «политическую коммуникацию самых различных государств объединяет значительное число однотипных метафорических моделей, способствующих сближению национальных картин мира, форм категоризации и концептуализации политической реальности» (Будаев, Чудинов 2006: 150).

Обращение к материалу русского и болгарского языков обусловлено тем, что, с одной стороны, речь идет о родственных языках и близости культур, что дает основания выдвинуть предположение об определенном сходстве способов представления концепта «КОРРУПЦИЯ» в семантическом пространстве обоих языков, в частности, о наличии одинаковых метафорических моделей. В то же время «значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы» (Ладо 1989: 34–35), соответственно, фреймовая организация этих моделей может отличаться.

2. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Опираясь на выведенную А. Н. Барановым типологию метафорических моделей категоризации коррупции, мы проанализировали особенности метафорического осмысления рассматриваемого явления в российских и болгарских публикациях последних лет и пришли к следующим предварительным выводам.

Как в российском, так и в болгарском медиадискурсе наиболее разнообразной по способам представления является метафорическая модель БОЛЕЗНЬ, которая реализуется через систему соответствующих фреймов. Так, фрейм «диагноз» представлен компонентами «заболевание», «раковая опухоль», «общественная болезнь», «болезнь чиновников», «неизлечимая болезнь», «чума», «кариес», «диагноз» и т. п.:

(1) *Коррупция в России превратилась в трудноизлечимую “раковую опухоль”*. (Шухуа 2013, <http://inosmi.ru/russia/20130206/205550261.html>)

(2) *България трябва да се освободи от корупционната чума.* /Болгария должна освободиться от коррупционной чумы./ (Иванов 2016, <https://frognews.bg/politika/hristo-ivanov-balgariia-triabva-osvobodi-korupcionnata-chuma.html>)

(3) *Диагноз – коррупция? Смоленскую поликлинику №1 обследует УБЭП.* (Мирный 2016, <http://smolnarod.ru/sn/diagnoz-korruptsiya-smolenskuyu-polikliniku-1-obsleduet-ubep/>)

(4) *Болезнь грязных рук, или почему в нашей стране коррупционерам жить хорошо?* (Андриевская 2014, <http://politika-crimea.ru/persons/14-razdely/persons/294-ezhova-tatyana-semenovna>)

Как указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «та же системность, которая позволяет нам осмыслять некоторый аспект одного концепта в терминах другого (например, интерпретировать спор как войну), с неизбежностью «затемняет» другие стороны этого концепта» (Лакофф 2008: 31). В примере (1) в структуру цели проецируется элемент структуры источника, который можно охарактеризовать как ‘болезнь, с трудом поддающаяся лечению’. Через метафору здесь имплицитно выражено восприятие коррупции как ‘того, что приносит страдания и от чего практически невозможно избавиться’. Наблюдения показывают, что ассоциирование коррупции с опухолью характерно для языкового сознания представителей разных культур. Например, в своем послании папа Франциск осуждает коррупцию и призывает человечество «*объединиться, чтобы победить эту скверну, эту опухоль, которая портит наши жизни*» (РИА Новости 2017). Также генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в обращении к депутатам Верховной Рады призвал Украину «*избавиться от раковой опухоли коррупции. Коррупция, инерция и сопротивление реформам стоят на пути настоящих изменений*» (Корзинкина 2017, <https://iz.ru/617563/2017-07-10/stoltenberg-sravnil-korruptciiu-na-ukraine-s-rakovoi-opukholiu>). Очевидно, эта метафора носит универсальный, наднациональный характер.

В примере (2) наиболее существенными признаками сферы-источника оказываются ‘опасность’ и ‘высокая степень заразности’. Эти признаки начинают профилировать в структуре цели метафорической экспансии, что, в свою очередь, позволяет охарактеризовать коррупцию как быстро распространяющееся в обществе опасное явление.

Интересным представляется пример (3), который иллюстрирует образование метафоры в динамическом процессе концептуальной интеграции сценариев: 1) в поликлинике ставят диагнозы пациентам > 2) УБЭП осуществляет проверку поликлиники на предмет обнаружения коррупционных проявлений > 3) УБЭП «ставит диагноз» поликлинике по результатам проверки > 4) диагноз – коррупция.

В примере (4) процесс метафоризации происходит путем иных наслоений. С одной стороны, мы видим метафорическую формулу «болезнь грязных рук» – эвфемизм, закрепившийся в русском языке для образного наименования группы тяжелых инфекционных заболеваний, причиной которых становятся бактерии, попадающие в организм человека через немытые (или плохо помытые) руки. Сферой-источником метафорического осмысления коррупции становится понятийная область потускневшей медицинской метафоры. Однако эта метафора в данном контексте оживляется за счёт элементов, высвечивающихся уже в понятийной структуре цели – коррупции. Так, нельзя не заметить заложенного в метафоре «коррупция – болезнь грязных рук» имплицитного противопоставления 'грязные (нечистые) руки' – 'чистые руки'. Полагаем, что одним из источников рассматриваемой метафоры служит также идиома «нечист на руку», под которой понимается человек, достигающий материальной выгоды путем обмана, вымогательства, воровства, иными словами нарушающий моральные нормы с целью личного обогащения. В этом же ассоциативном поле находятся идиомы «грязные деньги» (то есть деньги, заработанные нечестным путем, «пачкающие» руки) и «отмывание денег/доходов» (то есть легализация доходов, полученных преступным путем).

Интересно, что, хотя в болгарских СМИ метафора «коррупция – болезнь грязных рук» отсутствует, нередко антикоррупционные меры, предпринимаемые в разных структурах государственной власти, описываются метафорой «чистых рук», вероятнее всего, по аналогии с названием операции «Чистые руки» (итал. *Mani pulite*), проведенной итальянскими полицейскими властями 25 лет назад (1992–1993 гг.). Эта метафора часто встречается в газетных заголовках:

(5) *Има ли чисти ръце за борба с корупцията?* /Найдутся ли чистые руки для борьбы с коррупцией/ (г. «Капитал», 4.08.2017)

(6) *Правят операция “Чисти ръце” в КАТ.* /В ДПС проводят операцию „чистые руки“/ (<http://www.politika.bg/article?id=25741>, 17.02.2012)

Метафорическая модель БОЛЕЗНЬ реализуется также через фрейм «причины болезни», который включает слот «возбудители болезни», представленный такими элементами, как «вирус», «микроб», «зараза», «бацилла» и т. д.

В болгарской прессе за рассматриваемый период встречается фрейм «симптомы болезни»:

(7) *В корумпирана държава трудно се диша.* /В коррумпированном государстве трудно дышится./ (Иванов Х. 2017, <https://frognews.bg/novini/hristo-ivanov-korumpirana-darjava-trudno-disha.html>)

(8) *Превзетата от корупция държава е вредна за вашето здраве.* /Захваченное коррупцией государство вредит вашему здоровью./ (Иванов Х. 2017, <https://www.novini.bg/>).

В приведенных примерах фрейм отражает закрепившееся представление о вреде здоровью, причиняемом курением (как в устоявшихся утверждениях «Курение

вредит вашему здоровью», «Пушенето е вредно за здравето»), и о том, что в накуренной среде дышится с трудом. Через метафору здесь выражено представление о коррупции как о загрязненной среде, которая 'душит' людей и в которой человек может заболеть.

Фрейм «способы лечения» отражает в обоих языках представления общественности о возможных путях преодоления коррупции с помощью тех или иных средств и включает такие слоты, как «медикаментозное лечение» и «оперативное вмешательство». Первый реализуется компонентами «горькая пилюля», «лекарство», «таблетка», а второй – «операция», «вырезать (опухоль)» и т. п.:

(9) *Нет такой **таблетки** от коррупции: раз проглотил – и вы здоровы.* (<http://www.opengaz.ru/stat/tabletka-ot-korrupcii>, 2015)

(10) *Без **лекарство** срещу корупцията.* /Без лекарства от коррупции./ (Станку 2013, <http://www.balkaninsight.com>)

Фрейм «меры профилактики» в метафорической форме представлен через слот «вакцинация»:

(11) *Контроль со стороны населения может стать хорошей **прививкой** от проявлений коррупции.* (http://www.ng.ru/regions/2015-04-22/6_cheliabinsk.html, 2015)

(12) *Френска **вакцина** против корупция.* /Французская вакцина от коррупции./ (Чеков 2013, <http://www.kajeteda.com/archives/1225>)

Другая метафорическая модель – СИСТЕМА – отражает в русском языковом сознании представления общества о коррупции как о единстве взаимосвязанных элементов, функционирующих по общим законам:

(13) *Коррупция – это **система**, в которой даже есть какой-то порядок, понятные правила, которые многих устраивают. Потому что, если какое-то звено в этой цепочке ломается, нарушается порядок, система даёт сбой.* (Меладзе 2013, <http://www.aif.ru/money/corruption/43318>)

Иная интерпретация обнаруживается при восприятии коррупции как олицетворения системы власти:

(14) *Коррупция – это не сами люди, это **система** её формирующая. Система власти и собственности.* (Бахтамаев 2016, <http://ehorussia.com/new/node/12410>)

В болгарских СМИ не находим репрезентации этой метафорической модели.

К метафорической модели СИСТЕМА примыкает модель МЕХАНИЗМ, характерная для обоих языков. Внутри этой модели намечается противопоставление «механизм коррупции» – «антикоррупционный механизм». В терминах, соответствующих модели МЕХАНИЗМ, коррупция воспринимается как «стержень власти», «аппарат», «машина», «цепь» и т. п.:

(15) *В 2007 году, рассматривая похожее дело об организации договорных матчей во Франкфурте, судья назвал футболистов “мелкими, но необходимыми колесиками” в **коррупционном аппарате**.* (Договорные матчи, 2010, http://www.bbc.com/russian/sport/2010/04/100401_football_match_fixing.shtml)

(16) *Европейският съюз е **машина** за корупция.* /Европейский союз представляет машину для коррупции. / (Ханке 2014, <https://dariknews.bg>)

(17) *КТБ е най-видимата част от целия **корупционен механизъм**, който съществува в държавата.* / КТБ (Корпоративный торговый банк) – самая видимая

часть всего коррупционного механизма, существующего в государстве./ (Войнов 2017, <http://www.investor.bg>)

Кроме того, в публикациях последних лет мы зафиксировали метафорическую модель ВЕЩЕСТВО, которая реализуется через два основных слота: «скрепляющее вещество» («склейка», «цемент») и «смазочное вещество» («смазка», «масло»):

(18) *Коррупция – та склейка, на которой держится власть. Уберите это цементирующее начало, и власть рассыплется.* (Кошик 2013, <http://pasm.ru/archive/100105>)

(19) *“Хорошая” коррупция – это часто смазка неэффективного и зарегулированного законодательства, когда чиновники ускоряют процесс принятия решений, помогая частному бизнесу.* (Зотин 2013, <http://kommersant.ru/doc/2098142>)

(20) *Коррупцията е смазочно масло на демокрацията.* /Коррупция как смазочный материал демократии./ (Симов 2016, <http://www.duma.bg/node/119468>)

Как видим, здесь в структуре цели – коррупции – профилируется такой элемент значения сферы-источника, как ‘необходимый компонент функционирования’, соответственно и феномен коррупции получает иную оценку: коррупция – это нечто необходимое для эффективного функционирования власти.

Еще одной воспроизводимой метафорической моделью является модель ПРЕПЯТСТВИЕ, реализуемая в языковых формулах, включающих компоненты «препятствие», «барьер», «преграда»:

(21) *Коррупция – препятствие для развития России.* (Послание Президента, 2015, <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>)

(22) *Барьер коррупции преодолим.* (Барьер, 2010, <https://russian.rt.com/inotv/2010-05-31/Barer-korruptcii-preodolim>)

(23) *Коррупцията и неэффективните институции остават основни пречки пред икономиката ни.* /Коррупция и неэффективные институты – по-прежнему основные препятствия на пути экономики./ (<http://econ.bg/>, 13.06.2017)

Метафора «коррупция – это препятствие» формирует такое представление о явлении коррупции, при котором для борьбы с ним возможно применение известных человеческому опыту действий: разрушить, устранить (преграду, препятствие), преодолеть (преграду, барьер).

Напротив, сопоставление коррупции с «гидрой», «чудищем», «монстром», «чудищем», «драконом» и другими представителями, образующими метафорическую модель СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, свидетельствует о том, что в коллективном бессознательном коррупция предстает как нечто опасное и не контролируемое привычными методами:

(24) *Украинская коррупция остается непобедимым монстром.* (Тараканова 2015, <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008253217.html>).

Особое место в указанном ряду занимает метафора «коррупция – это гидра», занимающая в глобальном интердискурсе лидирующую позицию по частотности употребления, что позволяет говорить о ее регулярном характере, ср.:

(25) *Коррупция – это главный враг, гидра, сжимающая всю страну.* (Есин 2008, <http://search2.ruscorpora.ru>)

(26) *Той представи «хидрата на корупцията» с три глави, които символизират главите причини за корупция в България – «белите якички», контрабандата*

и политиците. /Он представил «гидру коррупции» с тремя главами, которые символизируют главные причины коррупции в Болгарии – «белые воротнички», контрабанду и политиков./ (Евроком, 17.02.2017)

В то же время отдельные метафоры, взятые из болгарских источников, обнаруживают этнокультурное своеобразие:

(27) *Олигархично-мафиотската ламя на корупцията у нас е захранена с бандитската приватизация.* /Олигархическо-мафиозна гидра („ламя“) коррупции в Болгарии – выкормыш бандитской приватизации./ (г. Монитор, 25.08.2017)

Образ гидры (она же *ламя* в болгарском фольклоре) репрезентирует представление об устойчивости и неуязвимости – по древнегреческим мифам на месте одной отрезанной головы вырастают две новые. В языковом сознании болгар *ламя* всегда вредоносная и опасная. Средствами метафоры отдельные люди или организованные структуры при определенных обстоятельствах осмысляются как недостижимые, неуничтожимые.

Модель СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО входит, по-нашему мнению, в более широкую модель – ВРАГ:

(28) *Коррупция – враг конкуренции.* (Петрова 2013, МК № 26411, 16.12. 2013)

Осмысление коррупции через образ врага делает возможным такие сочетания, в которых коррупция *уничтожает (убивает, губит) экономику, конкуренцию, бизнес, дороги, прогресс;* коррупция *крадёт средства, порождает беззаконие*, то есть происходит персонификация, абстрактное понятие предстает в образе живого существа.

Враждебное начало актуализирует и ЗООМОРФНАЯ метафорическая модель коррупции. В российском корпусе она представлена преимущественно образом змеи:

(29) *Ядовитая змея коррупции.* (Шашако 2015, Деловой Саратов, 15.05.2015)

Метафорическое истолкование образа змеи и в русской, и в болгарской поэтической традиции восходит к библейским представлениям о змие – виновнике грехопадения первых людей. Полагаем, что в политическом дискурсе для осмысления коррупции принципиальными оказались такие признаки области-источника, как ‘опасная’, ‘способная незаметно проникать в узкие места’, ‘трудноуловимая’.

Особый интерес представляет метафорическая модель ТЬМА, концептуализирующая феномен коррупции через понятия «тьмы», «мрака», «тени»:

(30) *Мрак коррупции.* (Финансовая газета, 19.09.2012)

(31) *В тени коррупции.* (Долгова 2008, Литературная газета, № 2(6154), 2008)

(32) *Заради тази сянка на корупция от НДК ще бягат европейските лидери.* /Из-за этой тени коррупции из НДК (Национальный дворец культуры) разбегутся европейские лидеры./ (Велева 2017, Епицентър, 29.06.2017)

В основе метафор этого ряда лежит традиционное противопоставление тьмы и света. Приведенные метафоры коррелируют с целым рядом других метафор, построенных на уподоблении тьме отрицательного, враждебного, противозаконного начала: «теневая экономика», «теневой бизнес», «черная зарплата», «темные дела» и т. п. Эти метафоры характеризуют такую деятельность, которая совершается нелегально, а, следовательно, нуждается в сокрытии от общественного контроля и от закона.

Широко распространенной как в русском, так и в болгарском языках, является метафорическая модель РАСТЕНИЕ, хотя, как правило, она реализуется опосредованно и может быть обнаружена благодаря наличию в контексте слов, а также их производных, образующих соответствующее понятийное поле (расти, цвести, вырвать, корень, ветвь, древо, почва):

(33) *Пышным цветом расцвела коррупция в Камышловце: почва здесь хорошая.* (Пышным цветом, 2017, <http://www.gosrf.ru/news/30513>)

(34) *Корените на корупцията в България са в политиката.* /Жорни корупции Болгарии – в политике./ (Иванов Х. 2017, БТВ, 8.01.2017)

(35) *Мы и дальше будем самым серьёзным образом, вне зависимости, повторяю ещё раз, от должности и партийной принадлежности, с корнем вырывать эту заразу.* (Путин 2013, <http://kremlin.ru/events/president/news/19625>)

Метафора образно-номинативного типа примера (33) выявляет представление о коррупции как о расцветании цветов на благодатной почве. Слот фрейма «корень» в (34) примере отсылает к представлению о прочном ‘укреплении’, связи с ‘источниками питания’, ‘прорастании’, и в результате этого в структуре цели «корень» осознается как основа или причина коррупции.

В примере (35) наблюдается сочетание двух метафор: РАСТЕНИЕ и БОЛЕЗНЬ. Нередко, как отмечает А. Н. Баранов, в политическом дискурсе «значительная часть метафор реализуется не отдельно, а вместе – в одном метафорическом выражении сочетается несколько моделей» (Баранов 2014: 63). Так, «вырывание корня» репрезентирует представление о ликвидации, уничтожении, а «зараза» – представление о повсеместности, широкой распространенности коррупционных явлений.

В болгарском политическом и медийном дискурсе очень активно используется метафора «гнилых яблок» ('bad apples'), поскольку в коллективном бессознательном «одно гнилое яблоко в состоянии испортить горсть»:

(36) *Гнилите ябълки в политико-съдебния плод-зеленчук.* /Гнилые яблоки политико-судебной овощной лавки./ (Смилов 2016, http://clubz.bg/33224-gnilite_qbylki_v_politiko_sydebniq_plod_zelenchuk)

Выражение «гнилые яблоки» актуализировалось в 2011 г., после рассекречивания (благодаря 'WikiLeaks') секретных телеграмм, которые еще в 2006 г. писал американский посол в Болгарии Дж. Байерли, описывая состояние нескольких болгарских банков. Позже метафору переняли СМИ, а оттуда она вошла в разговорную речь. Когнитивная структура источника (или «область отправления», по теории А. Баранова) метафоры базируется на идиоме, которая присутствует как в англоязычном, так и в болгарском языковом сознании («One bad apple spoils the barrel», „Една гнила ябълка може да развали целия кош“ /Одно плохое яблоко портит целую бочку/). В основу фрейма заложено представление, что ‘гниющее яблоко может привести к тому, что другие яблоки в непосредственной близости начнут гнить’, иными словами, достаточно всего одного человека, предмета или обстоятельства для уничтожения всей группы, ситуации, проекта и т.д.

Содержащийся во фрейме слот ‘гниение’ отсылает к известной строке из трагедии «Гамлет» Шекспира – «Какая-то в державе датской гниль» (Пастернак 1994), в котором ‘гниение’, ‘гниль’ репрезентирует упадок и деградацию.

Наряду с метафорическим образом яблока активизируется метафора «трех братьев и золотого яблока» из известной болгарской народной сказки:

(37) *БТК сега е това, което беше «Булгартабак» в първото правителство на Борисов - многомилionна корупционна схема, гнила, но златна ябълка... за който е на власт. /БТК (Болгарская телекоммуникационная компания сейчас то, чем был „Булгартабак“ в первом правительстве Борисова – многомиллионная коррупционная схема, гнилое, но золотое яблоко... для того, кто у власти./ (Иванов М. 2017, <https://sputnik.bg/sprete-bezumieto-s-btk/>)*

Известно, что образ яблока – очень древний символ, который присутствует в мифологии и фольклоре разных стран мира. Так, в древнегреческой мифологии яблоко вписывается в образную систему зла: золотое яблоко стало причиной Троянской войны. Нам представляется неслучайным, что в Библии символом искушения и грехопадения является яблоко, поскольку в позднелатинском слово ‘яблоко’ и слово, обозначающее ‘плохой, злой’ – омонимы (*malum* /лат./). Таким образом, в примере (37) источником метафорического осмысления коррупции становится потускневшая метафора сказки, которая интенсифицируется в компонентах понятийной структуры цели: коррупция осмысляется как золотое яблоко (‘ценность’, ‘обогащение’, ‘зло’) или как гнилое (‘нечестная, губительная сделка’).

Интересно, что метафорическая модель СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, которая была ранее представлена в русском языке «исключительно дискриптором “дойти”» (Баранов 2006: 21), в последние годы пополняется новыми вариантами репрезентации – «поле», «почва», «урожай».

Так, выявление преступлений коррупционной направленности предстает в российских СМИ как «сбор урожая», а сфера коррупционных деяний – как «поле»:

(38) *Богатый урожай на поле коррупции.* (Стаценко 2011, <http://m.vest-news.ru/article/21202>)

(39) *И уж совершенно **непаханое поле** – коррупция бытовая, повседневная.* (Всенародное дело, 2011, <http://www.dela.ru/articles/vsenarodnoe-delo>)

(40) *Борьба с коррупцией напоминает **сбор урожая**.* (Соловьев 2015, http://radiovesti.ru/episode/show/episode_id/36185)

Полагаем, что появление подобных метафор обусловлено масштабами осуществления антикоррупционной политики в России, а также освещением в прессе множества «громких» дел, связанных с раскрытием коррупционных преступлений.

Примечательно, что эта метафорическая модель не является активной в языке болгарских СМИ, а метафора «поле», скорее, имеет значение области, сферы распространения:

(41) *Вдигането на глобите за неправилно паркиране ще отвори огромно **поле** за корупция. /Увеличение штрафа за неправильную парковку откроет огромное поле для коррупции./ (Ананиев 2015, <https://fakti.bg>, 7.05.2015)*

Еще одна метафорическая модель, фигурирующая в современной российской и болгарской публицистике, – БОЛОТО. Она представлена вариантами «болото», «топь», «трясина», «омут»:

(42) *Международный союз футбольных ассоциаций ФИФА считается общепризнанным **рассадником** коррупции. Это “**болото**” стремятся “**осушить**” американцы совместно со швейцарцами. Удастся им это или нет, пока не ясно.*

(Спорт в болоте, 2016, <http://inosmi.ru/social/20160120/235119659.html>)

(43) *България трайно заседна в блатото на корупцията, показва Индекса за възприятие на корупцията за 2015.* /Болгария прочно увязла в болоте коррупции, показываает Индекс восприятия коррупции за 2015 год./ (Йончев 2016, <https://offnews.bg/analizi/koruptciata-u-nas-e-po-goliama-otkolkoto-v-guanda-gana-senegal-i-do-623129.html>)

(44) *Бизнесът затъва в „тресавище“ от бюрокрация и корупция.* /Бизнес увязает в трясине бюрократии и коррупции./ (Бончева 2016, г. Сега, 04.12.2017)

Имплицитно указанная модель может быть реализована благодаря использованию глаголов «затягивать», «засасывать», «вязнуть», «погрязнуть».

Показательно, что в дискурсе о коррупции в российской прессе в рассматриваемый период совсем непродуктивны такие сферы, как река, море, пруд и т.д., в то время как болгарских масс-медиа продуктивна метафора со сферой-источником МОРЕ. В метафорическом образе моря реализуется представление о бесконечном размере коррупции и невозможности ограничить ее, как в примере:

(45) *Антикорупционен договор в море от корупционни зависимости и практики – това подписаха тази седмица предизборно повече от дузина политически играчи.* /Предвыборный антикоррупционный договор, затонувший в море коррупционных зависимостей и практик, подписала на этой неделе целая дюжина политических игроков./ (Стойчев 2014, <http://www.paragraph22.bg/22-sedmichnik/read/antikorupcionen-dogovor-v-more-ot-korupcii>)

Типологию метафорических моделей, кодифицирующих концепт «КОРРУПЦИЯ», пополнила метафора РОДСТВА, в терминах которой (мать, мачеха, сестра, брат, близнецы) раскрываются представления общества о взаимосвязи коррупции и власти, коррупции и закона, коррупции и преступности и т. д.:

(46) *Коррупция – родная сестра мошеничествa.* (Налоговые новости, 2012, <http://налоговыености.рф/news/nalogovye-skhemy/korruptsiya-rodnaia-sestramoshennichestva/>)

(47) *Корупцията е майка на всички грехове.* /Коррупция – мать всех грехов./ (Стефанов 2014, <http://www.segabg.com/article.php?id=731307>)

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ отобранных контекстов позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, сопоставительное исследование метафорических моделей концепта «КОРРУПЦИЯ» в русском и болгарском медиадискурсе позволило выявить значительное поле совпадения метафорических моделей политического интердискурса, основанных на сходстве концептуализации политической и социальной реальности. Так, в глобальном интердискурсе среди наиболее продуктивных метафорических моделей, реализующих концепт «КОРРУПЦИЯ», отчетливо выделяются модели БОЛЕЗНЬ, ВРАГ, ПРЕПЯТСТВИЕ, МЕХАНИЗМ, ВЕЩЕСТВО, БОЛОТО, РАСТЕНИЕ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, РОДСТВО. При этом ведущие позиции занимают метафорические модели БОЛЕЗНЬ (преимущественно, «раковая опухоль») и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО (преимущественно, «гидра»).

Нам также удалось высветить этимологические корни специфических доминантных метафор в русском и болгарском языковом сознании, сформированных на базе тысячелетнего культурного опыта.

Во-вторых, следует отметить, что концентрация тех или иных метафорических моделей, концептуализирующих феномен коррупции, различается в зависимости от типа дискурса. Так, в информационно-аналитическом дискурсе более частотны метафорические модели, позволяющие выразить эмоциональное отношение автора к феномену коррупции, оценить его масштабы и степень опасности: БОЛЕЗНЬ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЕ, БОЛОТО. В официальных выступлениях государственных руководителей и членов Правительства обеих стран, посвященных вопросам коррупции, напротив, преобладают метафорические модели ПРЕПЯТСТВИЕ, БОЛЕЗНЬ, которые могут быть охарактеризованы как рациональные, так как в их основе заложено представление о возможных способах противодействия коррупции. Последнее, вероятно, обусловлено масштабами осуществления мировой антикоррупционной политики, а также закреплением в России на законодательном уровне мер по противодействию коррупции, разработкой и принятием «Национальной стратегии противодействия коррупции» и «Национального плана противодействия коррупции» на соответствующие периоды; усилиями парламента и ряда правительств Болгарии принять закон о борьбе с коррупцией.

Универсальный характер имеет метафорическая модель БОЛЕЗНЬ, которая является общей для всех типов дискурса: коррупция являет собой угрозу для здорового развития общества, поэтому необходимо выработать способы профилактики коррупции и борьбы с ней.

В-третьих, очевидно, что коррупция воспринимается в современном обществе в целом неоднозначно. Преобладает негативная оценка данного явления, но в то же время в его восприятии присутствует компонент обычая, повседневности, неизбежности. Об этом свидетельствует преобладание метафорических моделей, профилирующих в смысловой структуре цели – коррупции – такие компоненты значения, как ‘опасность’, ‘то, что приносит страдания и от чего практически невозможно избавиться’ и в то же время ‘необходимый компонент функционирования’ (власти).

Как отметил российский президент на заседании по противодействию коррупции, которое состоялось в Кремле 26 января 2016 года, «ключевой задачей остается формирование в обществе антикоррупционного правосознания» (Заседание, 2016). Думается, что одним из эффективных способов решения этой задачи может стать внедрение в сферу речевого воздействия рациональных (конструктивных) метафор, дающих возможность мышлению, как справедливо пишет А. Н. Баранов, вести поиск «инструментальных, реально воплощаемых альтернатив разрешения проблемной ситуации, игнорируя налет трансцендентальности зла, воплощенного в коррупции и питаемое общественной практикой бессилие человека перед нею» (Баранов 2014: 175).

Таким образом, исследование метафорических образов коррупции позволяет вскрыть как глубинные национальные, так и наднациональные особенности восприятия этого феномена обществом. Полагаем, что выявленные особенности могут быть учтены при выработке официальной дефиниции коррупции и совершенствовании государственной антикоррупционной стратегии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- CARVER, T., PIKALO, J. (2008): *Political Language and Metaphor: Interpreting and changing the world* / Terrell Carver, Jernej Pikalo. – Routledge, 2008. – 320 p.
- LAKOFF, G., JOHNSON, M. (1980): *Metaphors we live by* / George Lakoff and Mark Johnson. – Chicago: University of Chicago Press. – 277 p.
- ORTEGA-Y-GASSET, J. (1966) Las dos grandes metáforas. – In: Ortega-y-Gasset J. Obras Completas. Tomo II, Madrid, 1966. Pp. 387–400. В пер. на рус. Ортега-и-гассет, Х. (1990): Две великие метафоры//Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс. – 512 с.
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1990): Метафора и дискурс//*Теория метафоры*: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс. – 512 с.
- БАРАБАШ, О. В. (2016): Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса // *Rhema. Рема*. – Москва: Изд-во МПГУ. – № 3. (С. 28-45).
- БАРАБАШ, О. В. (2016а): Феномен коррупции в семантическом пространстве русского языка: к постановке проблемы // *Язык. Право. Общество*: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11-13 октября 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза: Изд-во ПГУ. – С. 259-265.
- БАРАНОВ, А. Н. (2004): Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность*, № 2. С. 70-79.
- БАРАНОВ, А. Н. (2006): *Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция')* / Баранов А.Н., Михайлова О.В., Шипова Е.А. – М.: Фонд ИНДЕМ. – 84 с.
- БАРАНОВ, А. Н. (2014): *Дескрипторная теория метафоры*. – М.: Языки славянской культуры. – 632 с.
- БУДАЕВ, Э.В., ЧУДИНОВ, А.П. (2006): *Метафора в политическом интердискурсе*. Монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т. – 215 с.
- КЛУШИНА, Н. И. (2015): Медиастилистика: как устроен современный медиастиль// *Русская речь*. – М. – № 3 (С. 55-60).
- КУБРЯКОВА, Е. С. (2004): *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.* / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры. – 560 с.
- ЛАДО, Р. (1989): Лингвистика поверх границ культур// *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы/Сост. В.П. Нерознака; Общ. ред. и вступ. ст. ВТ. Гака. – М.: Прогресс. – 440 с.
- ЛАКОФФ, ДЖ., ДЖОНСОН, М. (2008): *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд-е 2. – М.: Издательство ЛКИ, – 256 с.
- МИНСКИЙ, М. (1988): Остроумие и логика когнитивного бессознательного// *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка/ Сост., ред. и вступит. статья В. В. Петрова, В. И. Герсимова. – М.: Прогресс. – С. 291-292.

ЧУДИНОВ, А.П. (2003): Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург. – 248 с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>

ШМЕЛЕВА, Т. В. (2001): Морбильная оптика // *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. – Екатеринбург, Т. 7. – с. 5.

BIBLIOGRAPHY

ARUTYUNOVA, N. D. (1990): Metafora i diskurs//Teoriya metafory: Sbornik: Per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / Vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoï; Obshch. red. N. D. Arutyunovoï i M. A. Zhurinskoï. – M.: Progress. – 512 s. (In Russ.)

BARABASH, O. V. (2016): Smyslovyye transformatsii pravovykh terminov vne yuridicheskogo diskursa // *Rhema. Rema*. – Moskva: Izd-vo MPGU. – № 3.(S. 28-45). (In Russ.)

BARABASH, O. V. (2016a): Fenomen korruptsii v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka: k postanovke problemy // *Yazyk. Pravo. Obshchestvo: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 11-13 oktyabrya 2016 g.) / pod red. O. V. Barabash, T. V. Dubrovskoi, A. K. Dyatlovoi, N. A. Pavlovoi*. – Penza: Izd-vo PGU. – S. 259-265. (In Russ.)

BARANOV, AN (2014): Descriptor theory of metaphor. - M. : Languages of Slavic culture. – 632 s. (In Russ.)

BARANOV, A. N. (2004): Metaforicheskiye grani fenomena korruptsii // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, № 2. S. 70-79. (In Russ.)

BARANOV, A. N. (2006): Nekotoryye konstanty russkogo politicheskogo diskursa skvoz' prizmu politicheskoy metaforiki ('vzaimootnosheniya biznesa i vlasti', 'korruptsiya') / Baranov A.N., Mikhaïlova O.V., Shipova E.A. – M.: Fond INDEM. – 84 s. (In Russ.)

BUDAYEV, E.V., CHUDINOV, A.P. (2006): Metafora v politicheskom interdiskurse. Monografiya. – Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. – 215 s. (In Russ.)

KLUSHINA, N. I. (2015): Mediasstilistika: kak ustroyen sovremennyy mediastil// *Russkaya rech'*. – M. – № 3 (S. 55-60). (In Russ.)

KUBRYAKOVA, E. S. (2004): Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. / *Ros. akademiya nauk. In-t yazykoznaneya*. – M.: Yazyki slavyanskoï kul'tury. – 560 s. (In Russ.)

LADO, R. (1989): Lingvistika poverkh granits kul'tur// *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaya lingvistika: Perevody/Sost. V.P. Neroznaka; Obshch. red. i vstup. st. VT. Gaka*. – M.: Progress. – 440 s. (In Russ.)

LAKOFF, D., DZHONSON, M. (2008): Metafor, kotorymi my zhivem: Per. s angl./ Pod red. i s predisl. A. N. Baranova. Izd-ye 2. – M.: Izdatel'stvo LKI,– 256 s. (In Russ.)

MINSKIY, M. (1988): Ostroumiye i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo// *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk XXIII. Kognitivnyye aspekty yazyka/ Sost., red. i vstupit. stat'ya V. V. Petrova, V. I. Gersimova*. – M.: Progress. – S. 291-292. (In Russ.)

SHMELEVA, T.V. (2001): Morbile optics // *Linguistics. Bulletin of the Ural linguistic society*. – Ekaterinburg, T. 7. – S. 5. (In Russ.)